

Алексей ПОРВИН

Алексей Порвин родился в 1982 году в Ленинграде. Публикации в журналах «Нева», «Дружба народов», «Воздух», «Новая Юность», «Носорог», «Урал», «НЛО» и др. Автор стихотворных книг «Темнота бела» (М.: Арго-Риск, 2009), «Стихотворения» (М.: Новое Литературное Обозрение, 2011), «Live By Fire» (Cold Hub Press, 2011), «Солнце подробного ребра» (СПб.: ИНАПРЕСС, 2013) и «Поэма обращения. Поэма определения» (СПб.: MRP, 2017). Лауреат премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2012), входил в шорт-лист премии Андрея Белого в номинации «Поэзия» (2011, 2014). В «Волге» публикуется с 2008 года. Живет в Санкт-Петербурге.

Битое зеркало в травах мазутных
соберет осколками тишину,
людей привечая разутых –
шрамом, не значащим свет/войну.

Вечно на теле лучи рисовали
красоту, не знавшую о себе:
лишь в ранку крупича печали
падает – сразу легко судьбе.

Лучше скользнуть предвкушением босым
по холодной парности, что ведёт
к рассвету, к немеркнущим росам,
лучше словами нащупать вход –

«Эта ходьба отцепилась от цели,
как вагон от дряхлого тягача,
мы выбрать недвижность сумели,
смотримся в рельсовый блеск луча».

Расшатана скорбь, вот-вот падёт
главная ограда – увидим
себя гуляющими там,
за пределом мысли.

Верёвочным смыслом жив
простор, удержанный над бездной;
что – примесь, а что – поворот
в главное значенье?

Работа въедается в сердца –
струи расплетаем словами,
тела отбрасывают всё
лишнее немедля.

Земле тяжела вода,
темнеющая всё сильнее,
солдатские тени слились
с нашими тенями.

Разрасталась, как вечер, стирка
и в закат макались рубахи,
узнав, что грязь равна отсутствию сна
расправленного, свежего.

Голосов, неизбежно хватких,
вечерей, количество, знача
людское сердце, где небесный посыл
неисчислим биением.

Выжимая из флагов каплю
темноты, так сильно скрутили
материю, что затрещали слова
крепчайшими волокнами.

Линии здешних построек нам –
выдадут смыслов изобилье,
ну о чём говорить временам?
Стёкла раздробили.

Прежняя тема – важней всего:
окна вбирали взгляд вечерний,
где поёт о людском *ничего*
тишина речений –

«Всякую ночь проведём в жильё,
помнящем тягостью чердачной:
возвышаться нетрудно во мгле
смысловой раздачей...»

«Светом, поспешно изъятым из
правил, придуманных богами,
потолки покосившихся изб
потрещат над нами...»

Достроено счастье голосами
до этой высотной тишины, когда
поля ложились в боль колосьями,

приминая провода.

Дрожащей ли связью и натужной
беседой с врагами о судьбе земли
продолжится сомненье? Надо же
домолчать себя вдали.

Всё длились сквозь ливень переходы
от правильной жизни к небесам огня,
накиданы на сердце – грохоты,
заменяли голос дня.

Героев назвать бы поимённо,
да всякое слово поросло быльём,
перемещение армий поймано
уменьшительным стеклом.

«Наши лица сокроет знаменье» –
скажут потерявшие власть.
«Люди дурными временами не
станут, не смогут с правдой совпасть».

Трудно смолчать, что имя презрительно –
горстями черпнуть бы себя (себя
щепотью земли одарите,
песне – опора нужна в судьбе).

Дождик звякает райской мелочью,
входит в основательный свет
сквера, где ветви занемели: чью
участь держали тысячу лет?

«Нечто разжато, брошено под ноги,
теперь отражает, как люди злы;
копилась усталость в щепотнике,
собрана пальцами в точку мглы».

Победа словами вновь
зачем ко дню сведена, в котором
ленивый стук на всё готов,
даже к сомнениям полухворым?

Поправиться глотком бы одним,
да вмиг опустели бутылки,
рассудок, ты к сумеркам гоним,
к шарам заждавшейся пыли.

Солдатский дымок, огонь
плиты, что грела остатки треска
(простор, сравнение узаконь
жизни и дальнего перелеска).

Партейка офицерская, дом,
со мраком расторгнувший узы
(в пещеры закатывался гром,
как шар в дрожащие лузы).

О разбитых часах, об осколках
ночью ноет запястье: считать
остаток пульсовый нетрудно: сколько
забывшейся тьмы в желании знать...

Из покоя всё тянется жила
песни – помнит ли день красоты?
Рассеялся дымок и не сложился
в единственный образ, в чистое «ты».

Плодоносной волной омывая
свою взгляда, прошедшего сквозь
стекло звезды, что засадило с края –
река со своим течением врозь?

Для опоры на дно – мало слишком
сердца, давшего выдох другим;
задержано дыхание, и ликом
любви – не успело стать, словно дым.

Выдался песенный переход
к победе, что назначена болью
на место прежней веры в глубину
прилива, полного свободой.

Голосом созвана тишина;
частицы называть поименно –
не значит продолжать себя во всём,
что на закатный свет похоже.

Волны, принёсшие частокол
лучей, ужели просите волю,
забор поставить на участке дня,
где нежность в небо разветвилась?

Песня истоптана, а следы
хозяйничают в каждом куплете,
переставляя звуки наобум,
копируют структуру мира.